

УДК 159.9:37.013.42

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-98-109>

Поступила: 08.06.2022

Принята: 28.02.2023

Опубликована: 10.04.2023

ДИНАМИКА АДДИКТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ВЗРОСЛЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

*Ваганова Ксения Андреевна, Ужегова Анастасия Алексеевна, Газарова Анна Николаевна,
Евдокимова Елизавета Андреевна, Балева Милена Валерьевна*

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Пандемия COVID-19 и связанные с ней события повлияли на различные сферы общественной жизни. Естественные процессы взросления и социализации подростков также подверглись трансформации. Последствия этой трансформации будут наблюдаться еще в течение долгого времени. В статье приведено эмпирическое исследование, проведенное в 2 этапа — до официального начала пандемии (в феврале 2019 г.) и через два года после ее начала (в феврале 2022 г.). В исследовании приняли участие 89 респондентов мужского пола, студенты среднего профессионального образовательного учреждения. На момент первого среза средний возраст участников составил $17,21 \pm 0,51$ лет, а на момент второго среза — $19,20 \pm 0,48$ лет. Диагностика осуществлялась с помощью следующих методик: «Опросник состояния агрессии Басса-Дарки», «Опросник суицидального риска (ОСР)» в модификации Т.Н. Разуваевой, «Единая методика социально-психологического тестирования» Д.В. Журавлева и А.В. Киселевой. Статистический анализ включал внутригрупповое сравнение показателей по t-критерию Стьюдента и T-критерию Вилкоксона до и после начала пандемии. Анализ данных показал неоднозначные результаты. Не было обнаружено общей тенденции к снижению или росту аддиктивных проявлений. Возможные причины полученных закономерностей были рассмотрены с точки зрения взаимовлияния процессов пандемии и естественных процессов взросления, а также в контексте особенностей социального взаимодействия в данный возрастной период.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, самоизоляция, аддиктивные проявления, агрессия, подростковый возраст, взросление, социальное взаимодействие.

Для цитирования:

Ваганова К.А., Ужегова А.А., Газарова А.Н., Евдокимова Е.А., Балева М.В. Динамика аддиктивных проявлений в процессе взросления у подростков в период пандемии COVID-19// Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 98–109. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-98-109>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-98-109>

Received: 08.06.2022

Accepted: 28.02.2023

Опубликована: 10.04.2023

DYNAMICS OF ADDICTIVE MANIFESTATIONS IN THE PROCESS OF GROWING UP IN ADOLESCENTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

*Kseniya A. Vaganova, Anastasiya A. Uzhegova, Anna N. Gazarova,
Elizaveta A. Evdokimova, Milena V. Baleva*

Perm State University (Perm)

The COVID-19 pandemic and related events have affected various areas of social life. The natural processes of growing up and socialization of adolescents have also undergone a transformation. The conse-

quences of this transformation will be observed for a long time to come. The article presents an empirical study conducted in 2 stages — before the official start of the pandemic in February 2019 and two years after its start in February 2022. The study involved 89 male respondents, students of a secondary vocational education institution. At the time of the first measurement, the average age of the participants was 17.21 ± 0.51 , and at the time of the second measurement — 19.20 ± 0.48 . Diagnostics was carried out using the following methods: *Buss-Durkee Hostility Inventory*, *Suicide Risk Questionnaire* modified by T.N. Razuvaeva, *Unified Methodology for Socio-Psychological Testing* developed by D.V. Zhuravlev and A.V. Kiseleva. Statistical analysis included intragroup comparison (Student's *t*-test, Wilcoxon's *T*-test) before and after the onset of the pandemic. Data analysis showed conflicting results. There was found no general trend toward a decrease or increase in addictive manifestations. Possible reasons for the patterns obtained were considered in terms of the mutual influence of the pandemic processes and the natural processes of growing up, as well as in the context of social interaction features in this age period.

Keywords: COVID-19 pandemic, self-isolation, addictive manifestations, aggression, adolescence, growing up, social interaction.

To cite:

Vaganova K.A., Uzhegova A.A., Gazarova A.N., Evdokimova E.A., Baleva M.V. [Dynamics of addictive manifestations in the process of growing up in adolescents during the COVID-19 pandemic], 2023, issue 1, pp. 98–109 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-98-109>

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на психологическое благополучие населения всего мира. Беспрецедентная эпидемиологическая ситуация, стремительное распространение вируса, изнурительная по своей продолжительности социальная изоляция, а также экономические проблемы и снижение качества жизни привели к всплеску симптомов тревоги, стресса и депрессии, а также к увеличению числа психических расстройств и суицидальных проявлений [Екимова В.И. и др., 2021]. При этом исследование восприятия COVID-19 различными возрастными группами в России показали, что стресс, тревожность и ощущение угрозы во время пандемии были свойственны в первую очередь более молодым респондентам (от 18 до 25 лет) [Первичко Е.И. и др., 2020].

Зарубежные лонгитюдные исследования отражают следующее: у представителей подросткового и юношеского возраста во время пандемии и самоизоляции отмечались более высокие показатели депрессии и тревоги, чем до пандемии [Luijten M.A.J. et al., 2021, Magson N.R. et al., 2021]. А.У. Naser и соавторы объясняют превалирование тревожной и депрессивной симптоматики у студентов внедрением в колледжах и университетах дистанционного обучения при отсутствии у студентов необходимых навыков и ресурсов [Naser A.U. et al., 2020]. Другой причиной могли послужить случаи домашнего

насилия и эксплуатации, употребление наркотических средств, вовлечение в деструктивные группы и онлайн-сообщества, что стало возможным вследствие закрытия учебных заведений и ограничения «живого» общения [Cowie H., Myers C.A., 2021]. Согласно результатам лонгитюдного исследования M.A.J. Luijten и др., депрессивные симптомы подростков во время самоизоляции оказались связаны также с более высоким уровнем образования их родителей и существующими у них проблемами на работе, обусловленными пандемией. Гнев, показатели которого значительно возросли во время пандемии, также коррелировал с возрастом и более высоким уровнем образования родителей подростков [Luijten M.A.J. et al., 2021].

Опыт длительной самоизоляции оказался для подростков травматичным также потому, что ведущим типом деятельности в этот период является именно общение, социальные связи и контакты, а поддержка и признание сверстников являются неотъемлемой частью личностной самоидентификации [Гамезо М.В. и др. 2003]. При этом непосредственный контакт в процессе общения наряду с виртуальным и телефонным общением преимущественно отмечается представителями подросткового и юношеского возраста как наиболее желательный и комфортный способ взаимодействия [Холмогорова А.Б., Клименкова Е.Н., 2016]. Так, результа-

ты исследования N.R. Magson и соавторов показали, что опасения подростков во время пандемии COVID-19 были связаны прежде всего с нарушением их социальных взаимодействий и деятельности, в то время как опасения по поводу заражения или заболевания вирусом были относительно низки [Magson N.R. et al., 2021].

Несмотря на то, что в многочисленных исследованиях было выявлено негативное влияние пандемии на психическое здоровье подростков. Так, N.R. Magson и коллеги отмечают, что размер этих эффектов оказался незначительным [Magson N.R. et al., 2021]. Вероятно, это явление может быть объяснено некоторыми возрастными особенностями подросткового периода.

Подростковый возраст является одним из наиболее кризисных возрастных периодов и характеризуется противоречивостью тенденций социального развития. Д.И. Фельдштейн отмечает, что, с одной стороны, для данного периода «показательны негативные проявления, дисгармоничность в строении личности, свертывание прежде установившейся системы интересов ребенка, протестующий характер его поведения по отношению к взрослым» [Фельдштейн Д.И., 1988, с. 33], с другой стороны, наблюдаются и положительные проявления: возрастает самостоятельность, отношения со сверстниками и взрослыми становятся более многообразными и содержательными, формируется сознательное отношение к себе как к члену общества [Фельдштейн Д.И., 1988].

В соответствии с психосоциальной теорией развития Э. Эриксона, значительную роль в формировании личности подростка играют социальные взаимодействия. Данный возрастной период (12–19 лет) Э. Эриксон связывает с кризисом идентичности, состоящим из серии социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификации и самоопределений [Эриксон Э., 2000]. L.H. Somerville подчеркивает, что определяющей характеристикой подросткового периода является повышение социальной чувствительности и значимости сверстников. Несмотря на то, что взаимоотношения со сверстниками представляют собой прежде всего положительный социальный опыт, они крайне противоречивы и могут быть также основным источником конфликтов, отвержения и межличностного стресса [Somerville L.H., 2013].

Так, виктимизация со стороны сверстников, проблемы в дружеских и романтических отношениях способствуют усилению симптомов тревоги и депрессии у подростков, в то время как принадлежность к группе (особенно высокостатусной), позитивные взаимоотношения с друзьями и наличие романтических отношений служат факторами защиты от социальной тревожности и депрессивных симптомов [La Greca A.M., Harrison H.M., 2005].

Невозможность удовлетворения социальных потребностей может провоцировать проявления аддиктивного и агрессивного поведения у подростков, при этом к 14 годам риск девиации значительно возрастает [Леус Э.В. и др., 2016]. Максимальные показатели различных уровней агрессии у представителей мужского пола прослеживаются также в 14–15 лет [Кузнецова С.О., 2010]. Несмотря на то, что уровень агрессии у подростков снижается по мере взросления, существуют специфические риски, препятствующие данному процессу.

Агрессия является результатом совокупности таких факторов, как индивидуальные свойства, особенности взаимоотношений со сверстниками и родителями, социальные условия [Fries L. et al., 2013]. Лонгитюдное исследование подростков, проведенное М. Henriksen и соавторов, показало, что проявления физической агрессии в младшем подростковом возрасте более характерны для юношей и связаны с тревожными и депрессивными симптомами, одиночеством и низкой самооценкой, академическими проблемами, случаями буллинга, употреблением алкоголя и курением. Мужской пол и употребление алкоголя явились также значимыми факторами риска проявлений агрессии в позднем подростковом возрасте (средний возраст респондентов — 18 лет) [Henriksen M. et al., 2021].

Согласно ряду исследований, негативные взаимоотношения с родителями выступают в качестве одного из значимых предикторов агрессии у подростков. Так, были обнаружены значимые взаимосвязи между подростковой агрессией и высоким уровнем домашних конфликтов [Koçak A. et al., 2017; Karriker-Jaffe K.J. et al., 2013], низким уровнем родительского контроля и недостаточной вовлеченностью родителей в жизнь детей [Fries L. et al.,

2013], жестоким или хаотичным стилем родительского воспитания [Dou C. et al., 2015]. Значимым предиктором подростковой агрессии являются высокие родительские ожидания и связанное с ними давление, оказываемое родителями на подростков [Dou C. et al., 2015].

Таким образом, в случае отсутствия провоцирующих факторов, ожидаемой тенденцией развития в старшем подростковом возрасте является снижение агрессии и поведенческих аддикций. Вместе с тем, как показывают исследования, пандемия COVID-19 оказала фрустрирующее воздействие на широкий спектр проявлений социальной активности. Можно предположить, что ее влияние на представителей подросткового возраста стало тем самым провоцирующим фактором, который мог обострить агрессивные и аддиктивные проявления, или, как минимум, затормозить их закономерное смягчение в процессе взросления. В то же время можно предположить, что естественные процессы взросления нивелировали эффекты пандемии, обусловив устойчивую тенденцию к снижению агрессии и аддикций при переходе к старшему подростковому возрасту.

Целью нашего исследования является анализ динамики аддиктивных¹ проявлений у подростков в период пандемии COVID-19. Под пандемией в контексте данного исследования мы понимаем как собственно эпидемиологическую ситуацию распространения короновиральной инфекции, так и связанные с ней изменения привычного образа жизни — социальную изоляцию, дистанционный характер обучения. На основании анализа различных источников информации были выдвинуты следующие *альтернативные гипотезы*:

1. Показатели аддиктивного поведения обнаруживают снижение по мере взросления, не подвергаясь воздействию факторов социальной изоляции во время пандемии COVID-19.

2. Показатели аддиктивного поведения обнаруживают рост под влиянием социальной изоляции во время пандемии COVID-19, искажая естественные процессы взросления при переходе к совершеннолетию.

¹ В контексте нашего исследования мы рассматриваем аддикцию как совокупность проявлений отклоняющегося (в т.ч. асоциального) поведения, включая агрессию.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 89 респондентов мужского пола, студенты среднего профессионального образовательного учреждения. Из общего числа респондентов 41 чел. обучается по профессии «Наладчик» и 48 чел. — по профессии «Программист». Исследование включало два диагностических среза, из которых первый проводился в конце октября 2019 г., а второй — в ноябре 2021 г. На момент первого среза возраст участников находился в диапазоне от 16 до 19 лет ($M = 17,21$, $SD = 0,51$), а на момент второго среза — в диапазоне от 18 до 21 года ($M = 19,20$, $SD = 0,48$).

Методика исследования

Диагностика осуществлялась с помощью Опросника состояния агрессии Басса-Дарки [Психологические тесты..., 2007], Опросника суицидального риска (ОСР) в модификации Т.Н. Разуваевой [Диагностика личности, 1993], а также Единой методики социально-психологического тестирования². Тестирование проводилось в учебное время в малых группах по 10–15 чел. Диагностика по тестам агрессии и выявления суицидального риска проводилась в очном формате, а социально-психологическое тестирование — в онлайн-режиме. Все участники давали добровольное согласие на участие в тестировании. Результаты второго среза по методике ОСР были признаны недействительными у 4 участников, их реакции были исключены из анализа. Статистическая обработка результатов осуществлялась в программе Statistica-10 с помощью методов описательной статистики и сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента для зависимых групп (при контроле нормальности распределения). Для показателей, имеющих распределение, отличное от нормального, использовался непараметрический аналог t-критерия Стьюдента для зависимых групп — T-критерий Вилкоксона.

Результаты

Результаты сравнительного анализа выраженности показателей готовности к аддиктивному поведению по данным первого и второго срезов представлены в табл. 1.

² На сайте https://soctest.ru/test/sign_in

Таблица 1. Выраженность показателей готовности к аддиктивному поведению по данным 1 и 2 диагностического срезов

Table 1. The severity of indicators of readiness for addictive behavior according to the data of the 1st and 2nd diagnostic sections

	Среднее значение		Стандартное отклонение		t	p
	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.		
Потребность в одобрении	59,41	56,85	16,78	17,42	0,99	0,324
Подверженность влиянию группы	33,25	30,16	17,01	17,84	1,15	0,253
Принятие асоциальных установок социума	55,49	46,78	19,56	20,44	3,07	0,003
Склонность к риску	40,39	35,29	22,88	22,62	1,46	0,147
Импульсивность	33,88	31,18	18,66	19,50	1,14	0,259
Тревожность	45,02	39,53	26,28	26,43	1,58	0,117
Фрустрация	38,44	32,47	25,62	25,00	1,78	0,079
Наркопотребление в социальном окружении	32,21	21,87*	28,08	19,46	2,84	0,006
Принятие родителями	82,67	82,94	18,47	16,76	-0,10	0,921
Принятие одноклассниками	75,14	79,92	17,99	14,95	-1,93	0,057
Социальная активность	70,12	68,75	15,54	17,84	0,54	0,587
Самоконтроль поведения	71,14	73,61	15,61	15,53	-1,02	0,308
Самозффективность	75,26	78,71	17,71	16,07	-1,58	0,117

Примечание: * — Распределение отличается от нормального: стандартная ошибка эксцесса превышает его абсолютное значение более, чем на 3σ ; K-S $d = 0,17$, $p < 0,05$.

Note: * — The distribution differs from the normal one: the standard error of the kurtosis exceeds its absolute value by more than 3σ ; K-S $d = 0,17$, $p < 0,05$.

Как видно из таблицы, за период пандемии показатели готовности к аддиктивному поведению обнаружили тенденцию к снижению. В то же время статистически значимая динамика наблюдалась только по 4 показателям. У юношей произошло снижение готовности к принятию асоциальных установок социума ($p < 0,01$), фрустрации ($p < 0,10$) и наркопотребления в социальном окружении ($p < 0,01$). Одновременно с этим вырос показатель принятия одноклассниками ($p < 0,10$). Поскольку распределение показателя наркопотребления в социальном окружении во втором срезе оказалось отличным от нормального, дополнительно к параметрическому анализу был проведен непараметрический тест Вилкоксона, который также выявил статистически значимое различие ($T = 942,00$, $p < 0,01$).

Результаты сравнительного анализа выраженности показателей склонности к агрессивному поведению по данным первого и второго срезов представлены в табл. 2.

Как видно из таблицы, за период пандемии обнаружилось статистически значимое снижение общего индекса агрессии ($p < 0,05$), по всей видимости, вследствие уменьшения ее вербаль-

ных и косвенных проявлений. В то же время общий индекс враждебности обнаружил статистически значимый рост ($p < 0,05$). При этом, что более существенно, входящие в него первичные показатели подозрительности и обиды обнаружили разнонаправленную динамику: выраженность подозрительности уменьшилась ($p < 0,001$), а обиды — усилилась ($p < 0,01$). Поскольку распределение показателя обиды в первом срезе оказалось отличным от нормального, дополнительно к параметрическому анализу был проведен непараметрический тест Вилкоксона, который также выявил статистически значимое различие ($T = 925,50$, $p < 0,01$). Результаты сравнительного анализа выраженности показателей суицидального риска по данным первого и второго срезов представлены в табл. 3.

Как видно из таблицы, за период пандемии все показатели суицидального риска обнаружили тенденцию к снижению. При этом статистически значимая отрицательная динамика наблюдалась только по показателям несостоятельности ($p < 0,05$), социального пессимизма ($p < 0,10$) и максимализма ($p < 0,001$).

Таблица 2. Выраженность показателей склонности к агрессивному поведению по данным 1 и 2 диагностического срезов

Table 2. The severity of the indicators of propensity to aggressive behavior according to the data of the 1st and 2nd diagnostic sections

	Среднее значение		Стандартное отклонение		t	p
	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.		
Физическая агрессия	4,82	5,04	2,06	2,09	-0,75	0,455
Вербальная агрессия	6,40	6,33	1,95	2,21	0,25	0,803
Косвенная агрессия	3,56	3,34	1,69	1,75	0,83	0,407
Негативизм	1,96	2,00	1,56	1,49	-0,19	0,848
Склонность к раздражению	4,37	4,15	2,49	2,57	0,59	0,560
Подозрительность	4,19	3,13	1,93	1,79	3,66	0,000
Обида	3,88*	4,65	1,86	1,94	-2,87	0,005
Чувство вины	4,66	4,70	1,61	1,66	-0,13	0,895
Индекс агрессии	14,36	12,80	4,28	4,34	2,29	0,024
Индекс враждебности	8,53	9,35	2,75	2,93	-2,06	0,043

Примечание: * — Распределение отличается от нормального: стандартная ошибка асимметрии превышает ее абсолютное значение более, чем на 3σ ; K-S $d = 0,13$, $p < 0,10$.

Note: * — The distribution differs from the normal one: the standard error of the asymmetry exceeds its absolute value by more than 3σ ; K-S $d = 0,13$, $p < 0,10$.

Таблица 3. Выраженность показателей готовности к аддиктивному поведению по данным 1 и 2 диагностического срезов

Table 3. The severity of indicators of readiness for addictive behavior according to the data of the 1st and 2nd diagnostic sections

	Среднее значение		Стандартное отклонение		T	p
	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.		
Демонстративность	0,51	0,42	0,79	0,72	524,00	0,512
Аффективность	0,58	0,52	0,94	0,98	500,00	0,677
Уникальность	0,20	0,18	0,55	0,56	128,50	0,773
Несостоятельность	1,19	1,00	0,65	0,45	99,00	0,052
Социальный пессимизм	2,37	2,11	1,17	0,86	238,00	0,087
Слом культурных барьеров	1,03	0,97	0,32	0,32	51,00	0,227
Максимализм	1,25	0,75	1,00	0,46	133,50	0,001
Временная перспектива	0,28	0,15	0,66	0,44	101,00	0,162
Антисуицидальный фактор	0,99	1,03	0,35	0,41	94,50	0,465

Примечание: Распределение всех показателей опросника суицидального риска оказалось отличным от нормального: $A_s > 1,00$, $E_x > 1,00$, K-S $d = 0,33 \div 0,52$, $p < 0,01$. Таким образом, вместо параметрического анализа по t-критерию Стьюдента был использован непараметрический T-критерий Вилкоксона.

Note: The distribution of all indicators of the suicide risk questionnaire turned out to be different from normal: $A_s > 1,00$, $E_x > 1,00$, K-S $d = 0,33 \div 0,52$, $p < 0,01$. Thus, instead of parametric analysis by the Student's t-criterion, the nonparametric Wilcoxon T-criterion was used.

Обсуждение результатов

Как было отмечено ранее, значимыми характеристиками подросткового возраста являются противоречивость тенденций социального развития и эмоциональная нестабильность. По сравнению с взрослыми, подростки чаще ис-

пытывают интенсивные положительные и отрицательные эмоции, эмоциональную напряженность и характеризуются большей эмоциональной нестабильностью, что делает их более восприимчивыми к разного рода рискам, в том числе к социальной изоляции [Bailen N.H. et al., 2018].

В нашем исследовании был обнаружен рост отдельных показателей агрессивности подростков во время пандемии, а именно враждебности и обиды. Это косвенно согласуется с данными N.R. Magson и соавторов, которые обнаружили, что в период пандемии COVID-19 у подростков наблюдалось усиление депрессивных симптомов и тревожности, а также снижение удовлетворенности жизнью [Magson N.R. et al., 2021]. Однако авторы отмечают, что, по-видимому, большая часть подростков хорошо справилась с последствиями пандемии, т.к. размер обнаруженных эффектов оказался довольно скромным [Magson N.R. et al., 2021, p. 53]. Мы предполагаем, что вероятными причинами обнаруженного нами роста враждебности и обиды могли выступить негативные взаимоотношения с родителями, обострившиеся в период изоляции. Имеются данные о значимых взаимосвязях между подростковой агрессией и частотностью домашних конфликтов [Coatsworth J.D. et al., 2002; Loukas A., Prelow H.M., 2004]. Значимыми предикторами подростковой агрессии также являются высокие родительские ожидания и связанные с ними давление, оказываемое родителями на подростков [Fries L. et al., 2013].

Несмотря на обнаруженное усиление отдельных негативных проявлений, в целом показатели склонности к агрессивному и аддиктивному поведению у подростков не повысились. В частности, не было выявлено роста показателей тревожности, импульсивности и аффективности. Это противоречит нашим первоначальным предположениям, однако подтверждается выводами В.А. Барановой о преимущественно благополучном решении подростками задач адаптации [Баранова В.А. и др., 2021].

Обнаруженное нами отсутствие роста большинства негативных психологических проявлений в период пандемии может быть также объяснено естественными процессами взросления. Согласно N.H. Vailen и коллег, эмоциональная нестабильность и интенсивность эмоций у подростков обнаруживают тенденцию к снижению к 19 годам [Vailen N.H. et al., 2018]. На момент проведения второго среза наши респонденты достигли верхней границы подросткового периода ($M = 19,20 \pm 0,48$), что могло оказать влияние на результаты исследования. В то же время показатели склонности к аддиктивному поведению не обнаружили и ожидае-

мого в процессе взросления спада. Таким образом, можем предположить что факторы пандемии и взросления компенсировали друг друга, как бы «заморозив» динамику аддиктивных проявлений в любую сторону.

В качестве еще одного фактора обнаруженных закономерностей может быть рассмотрен пол респондентов. Отмечается, что девушки проявляют более выраженные симптомы депрессии и тревоги, чем юноши [Magson N.R., et al., 2021]. Напомним, что в нашем исследовании принимали участие только респонденты мужского пола.

Полученные нами результаты свидетельствуют также против негативного влияния ограничения социальных контактов на психическое состояние подростков. Напротив, респонденты отметили снижение готовности к принятию асоциальных установок социума, фрустрации и рост принятия со стороны одноклассников. Это противоречит результатам большинства исследований, в которых показано, что главной проблемой во время пандемии для подростков явилось ограничение социальных взаимодействий [Баранова В.А. и др., 2021; Табуева А.О., Волкова И.В., 2021; Magson N.R. et al., 2021]. В то же время некоторые данные N.R. Magson и соавторов и В.А. Барановой согласуются с нашими результатами. Так, в исследовании N.R. Magson обнаружено, что подростки, которые во время пандемии COVID-19 ощущали себя более включенными в социальные взаимодействия, сообщали о меньшем количестве депрессивных симптомов и беспокойства, а также о большей удовлетворенности жизнью, чем те, кто чувствовал себя изолированными от общества в период самоизоляции. К сожалению, в нашем исследовании факт такой включенности не контролировался, однако мы не исключаем его роли в полученных результатах. Согласно исследованию В.А. Барановой, студенты отмечают ряд положительных сторон онлайн-коммуникации во время пандемии, например, возможность установления новых знакомств и поддержание старых контактов, а также улучшение качества социальных связей (они стали более избирательными, неслучайными и глубокими). Возможно, что влияние на полученные нами результаты оказал пол респондентов. Согласно исследованию А.О. Табуевой, в период пандемии девочкам не

хватало неформального общения с одноклассниками больше, чем мальчикам. Кроме того, девочки чувствовали себя более социально изолированными, чем мальчики [Табуева А.О., Волкова И.В., 2021]. В исследовании Т.В. Шининой показано, что юноши по сравнению с девушками демонстрируют более высокие показатели жизнестойкости, которая, в свою очередь, помогает справиться со стрессом, в том числе стрессом, вызванным социальной изоляцией [Шинина Т.В., Морозова И.Г., 2021].

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на рост отдельных проявлений агрессии в период пандемии, большинство показателей агрессивного и аддиктивного поведения у подростков не обнаружили тенденции к росту. Эти проявления подвержены естественному снижению по мере взросления подростков и их приближения к совершеннолетию. Учитывая это обстоятельство, можно сказать, что пандемия все же оказала определенное влияние на естественные процессы взросления. Однако это влияние можно назвать скорее сдерживающим, а не деструктивным.

Ограничения исследования

В качестве ограничений нашего исследования можно выделить недостаточность сведений о социально-демографических характеристиках респондентов, а также информации об их опыте проживания пандемии: переболели ли сами респонденты или их близкие коронавирусом, какие проблемы бытового и психологического характера возникли в период самоизоляции, особенности социального взаимодействия в период пандемии и т.д. В нашем исследовании они могли бы послужить дополнительным источником для объяснения полученных закономерностей. Кроме того, на возрастание показателей агрессивности подростков могли оказать влияние и иные факторы, которые не были учтены в данном исследовании.

Полученные нами результаты могут послужить предпосылкой для дальнейших исследований в области сдерживающего влияния пандемии на естественные процессы взросления подростков, а также для изучения влияния социально-демографических факторов на данный процесс.

Список литературы

- Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 1. С. 10–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120102>
- Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М. Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие для студентов пед. вузов / под ред. М.В. Гамезо. М.: Пед. общ-во России, 2003. 512 с.
- Диагностика личности / сост. Т.Н. Разуваева. Шадринск: Исеть, 1993. 26 с.
- Екимова В.И., Розенова М.И., Литвинова А.В., Котенева А.В. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии COVID-19 // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 1. С. 27–38. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100103>
- Кузнецова С.О. Психологические особенности агрессивности в подростковом возрасте // Вестник славянских культур. 2010. № 4(18). С. 84–90.
- Леус Э.В., Соловьев А.Г., Новикова И.А. Возрастные психологические аспекты аддиктивного поведения подростков // Наркология. 2016. Т. 15, № 3. С. 12–17.
- Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Конюховская Ю.Е., Дорохов Е.А. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 119–146. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206>
- Психологические тесты для профессионалов / авт.-сост. Н.Ф. Гребень. Минск: Соврем. шк., 2007. 496 с.
- Табуева А.О., Волкова И.В. Особенности отношения подростков к дистанционному обучению в период карантина по COVID-19 // Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление: сб. трудов XIV Междунар. научно-практич. конф. (6–8 апреля 2021 г., Москва) / отв. ред. А.А. Бочавер. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 136–139.
- Фельдштейн Д.И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 31–41.
- Холмогорова А.Б., Клименкова Е.Н. Общение в интернете и эмпатия в подростковом и юношеском возрастах // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т. 8, № 4. С. 129–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080413>
- Шинина Т.В., Морозова И.Г. Пандемия как вызов самостоятельности подростков: гендерный

аспект // Подросток в мегаполисе: дистанционное взросление: сб. трудов XIV Междунар. научно-практич. конф. (6–8 апреля 2021 г., Москва) / отв. ред. А.А. Бочавер. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 165–169.

Эриксон Э. Детство и общество: пер. с англ. СПб.: Питер, 2000. 415 с.

Bailen N.H., Green L.M., Thompson R.J. Understanding Emotion in Adolescents: A Review of Emotional Frequency, Intensity, Instability, and Clarity // *Emotion Review*. 2018. Vol. 11, iss. 1. P. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073918768878>

Coatsworth J.D., Pantin H., McBride C., Briones E., Kurtines W., Szapocznik J. Ecodevelopmental Correlates of Behavior Problems in young Hispanic females // *Applied Developmental Science*. 2002. Vol. 6, iss. 3. P. 126–143. DOI: https://doi.org/10.1207/s1532480xads0603_3

Cowie H., Myers C.-A. The impact of the Covid-19 pandemic on the mental health and well-being of children and young people // *Children & Society*. 2021. Vol. 35, iss. 1. P. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/chso.12430>

Dou Ch., Wei Z., Jin K., Wang H., Wang X., Peng Z. Family and social environmental factors associated with aggression among Chinese adolescents // *School Psychology Quarterly*. 2015. Vol. 30, iss. 3. P. 421–430. DOI: <https://doi.org/10.1037/spq0000103>

Fries L., Grogan-Kaylor A., Bares C.B., Han Y., Delva J. Gender Differences in Predictors of Self-Reported Physical Aggression: Exploring Theoretically Relevant Dimensions Among Adolescents From Santiago, Chile // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2013. Vol. 2, iss. 4. P. 255–268. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0034533>

Henriksen M., Skrove M., Hoftun G.B., Sund E.R., Lydersen S., Tseng W.-L., Sukhodolsky D.G. Developmental Course and Risk Factors of Physical Aggression in Late Adolescence // *Child Psychiatry & Human Development*. 2021. Vol. 52, iss. 4. P. 628–639. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-020-01049-7>

Karriker-Jaffe K.J., Foshee V.A., Ennett S.T., Suchindran Ch. Associations of Neighborhood and Family Factors with Trajectories of Physical and Social Aggression During Adolescence // *Journal of Youth and Adolescence*. 2013. Vol. 42, iss. 6. P. 861–877. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-012-9832-1>

Koçak A., Mouratidis A., Sayı M., Kindap-Tepe Y., Uçanok Z. Interparental Conflict and Adolescents' Relational Aggression and Loneliness: The Mediating Role of Maternal Psychological Control // *Journal of Child and Family Studies*. 2017. Vol. 26, iss. 12. P. 3546–3558. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0854-x>

La Greca A.M., Harrison H.M. Adolescent peer relations, friendships, and romantic relationships: do they predict social anxiety and depression? // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. 2005. Vol. 34, iss. 1. P. 49–61. DOI: https://doi.org/10.1207/s15374424jccp3401_5

Loukas A., Prelow H.M. Externalizing and internalizing problems in low-income Latino Adolescents: Examining risk, resource, and protective factors // *Journal of Early Adolescence*. 2004. Vol. 24, iss. 3. P. 250–273. DOI: <https://doi.org/10.1177/0272431604265675>

Luijten M.A.J., Muilekom M.M. van, Teela L., Polderman T.J.C. et al. The impact of lockdown during the COVID-19 pandemic on mental and social health of children and adolescents // *Quality of Life Research*. 2021. Vol. 30, iss. 10. P. 2795–2804. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11136-021-02861-x>

Magson N.R., Freeman J.Y.A., Rapee R.M., Richardson C.E., Oar E.L., Fardouly J. Risk and Protective Factors for Prospective Changes in Adolescent Mental Health during the COVID-19 Pandemic // *Journal of Youth and Adolescence*. 2021. Vol. 50, iss. 1. P. 44–57. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01332-9>

Naser A.Y., Dahmash E.Z., Al-Rousan R., Al-wafi H. et al. Mental health status of the general population, healthcare professionals, and university students during 2019 coronavirus disease outbreak in Jordan: A cross-sectional study // *Brain, Behavior, and Immunity*. 2020. Vol. 10, iss. 8. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/brb3.1730> (accessed: 21.04.2022). DOI: <https://doi.org/10.1002/brb3.1730>

Somerville L.H. The teenage brain: sensitivity to social evaluation // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. Vol. 22, iss. 2. P. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721413476512>

References

Bailen, N.H., Green, L.M. and Thompson, R.J. (2018). Understanding emotion in adolescents: a review of emotional frequency, intensity, instability,

and clarity. *Emotion Review*. Vol. 11, iss. 1, pp. 63–73. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073918768878>

Baranova, V.A., Dubovskaya, E.M. and Savina, O.O. (2021). [Life experience and resources for overcoming the difficulties of social isolation in the first period of the COVID-19 pandemic among students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 12, no. 1, pp. 10–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120102>

Coatsworth, J.D., Pantin, H., McBride, C., Briones, E., Kurtines, W. and Szapocznik, J. (2000). Ecodevelopmental correlates of behavior problems in young Hispanic females. *Applied Developmental Science*. Vol. 6, iss. 3, pp. 126–143. DOI: https://doi.org/10.1207/s1532480xads0603_3

Cowie, H. and Myers, C.-A. (2021). The impact of the Covid-19 pandemic on the mental health and well-being of children and young people. *Children & Society*. Vol. 35, iss. 1, pp. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/chso.12430>

Dou, Ch., Wei, Z., Jin, K., Wang, H., Wang, X. and Peng, Z. (2015). Family and social environmental factors associated with aggression among Chinese adolescents. *School Psychology Quarterly*. Vol. 30, iss. 3, pp. 421–430. DOI: <https://doi.org/10.1037/spq0000103>

Ekimova, V.I., Rozenova, M.I., Litvinova, A.V. and Koteneva, A.V. (2021). [The fear traumatization: Psychological consequences of COVID-19 pandemic]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. Vol. 10, no. 1, pp. 27–38. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100103>

Erikson, E. (2000). *Detstvo i obschestvo* [Childhood and society]. St. Petersburg: Piter Publ., 415 p.

Fel'dshteyn, D.I. (1988). [Psychological features of personality development in adolescence]. *Voprosy Psichologii*. No. 6, p. 31–41.

Fries, L., Grogan-Kaylor, A., Bares, C.B., Han, Y. and Delva, J. (2013). Gender differences in predictors of self-reported physical aggression: Exploring theoretically relevant dimensions among adolescents from Santiago, Chile. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. Vol. 2, iss. 4, pp. 255–268. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0034533>

Gamezo, M.V., Petrova, E.A. and Orlova, L.M. (2003). *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* [Age and pedagogical psychology]. Moscow: Pedagogicheskoe Obschestvo Rossii Publ., 512 p.

Greben', N.F. (ed.) (2007). *Psikhologicheskiye testy dlya professionalov* [Psychological tests for professionals]. Minsk: Modern school Publ., 496 p.

Henriksen, M., Skrove, M., Hoftun, G.B., Sund, E.R., Lydersen, S., Tseng, W.-L. and Sukhodolsky, D.G. (2021). Developmental course and risk factors of physical aggression in late adolescence. *Child Psychiatry & Human Development*. Vol. 52, iss. 4, pp. 628–639. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-020-01049-7>

Karriker-Jaffe, K.J., Foshee, V.A., Ennett, S.T. and Suchindran, Ch. (2013). Associations of neighborhood and family factors with trajectories of physical and social aggression during adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 42, iss. 6, pp. 861–877. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-012-9832-1>

Kholmogorova, A.B. and Klimenkova, E.N. (2016). [Communication in the Internet and empathy in teenage and youthful ages]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye psyedu.ru* [Psychological Science and Education psyedu.ru]. Vol. 8, no. 4, pp. 129–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080413>

Koçak, A., Mouratidis, A., Sayı, M., Kindap-Tepe, Y. and Uçanok, Z. (2017). Interparental conflict and adolescents' relational aggression and loneliness: The mediating role of maternal psychological control. *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 26, iss. 12, pp. 3546–3558. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-017-0854-x>

Kuznetsova, S.O. (2010). [Psychological features of aggression in adolescence]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. No. 4(18), pp. 84–90.

La Greca, A.M. and Harrison, H.M. (2005). Adolescent peer relations, friendships, and romantic relationships: do they predict social anxiety and depression? *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. Vol. 34, iss. 1, pp. 49–61. DOI: https://doi.org/10.1207/s15374424jccp3401_5

Leus, E.V., Solov'ev, A.G. and Novikova, I.A. (2016). [Age-related psychological aspects of addictive behavior of adolescents]. *Narkologiya* [Narcology]. Vol. 15, no. 3, pp. 12–17.

Loukas, A. and Prelow, H.M. (2004). Externalizing and internalizing problems in low-income Latino adolescents: Examining risk, resource, and protective factors. *Journal of Early Adolescence*. Vol. 24, iss. 3, pp. 250–273. DOI: <https://doi.org/10.1177/0272431604265675>

Luijten, M.A.J., Muilekom, M.M. van, Teela, L., Polderman, T.J.C., et al. (2021). The impact of lockdown during the COVID-19 pandemic on mental and social health of children and adolescents. *Quality of Life Research*. Vol. 30, iss. 10, pp. 2795–2804. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11136-021-02861-x>

Magson, N.R., Freeman, J.Y.A., Rapee, R.M., Richardson, C.E. et al. (2021). Risk and protective factors for prospective changes in adolescent mental health during the COVID-19 pandemic. *Journal of Youth and Adolescence*. Vol. 50, iss. 1, pp. 44–57. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-020-01332-9>

Naser, A.Y., Dahmash, E.Z., Al-Rousan, R., Al-wafi, H. et al. (2020). Mental health status of the general population, healthcare professionals, and university students during 2019 Coronavirus disease outbreak in Jordan: a cross-sectional study. *Brain, Behavior, and Immunity*. Vol. 10, iss. 8. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/brb3.1730> (accessed 21.04.2022). DOI: <https://doi.org/10.1002/brb3.1730>

Pervichko, E.I., Mitina, O.V., Stepanova, O.B., Konyukhovskaya, Yu.E. and Dorokhov, E.A. (2020). [Perception of COVID-19 during the 2020 pandemic in Russia]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education]. Vol. 9, no. 2, pp. 119–146. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090206>

Razuvaeva, T.N. (ed.) (1993). *Diagnostika lichnosti* [Personality diagnostics]. Shadrinsk: Iset Publ., 26 p.

Skhinina, T.V. and Morozova, I.G. (2021). [Pandemic as a challenge to adolescent independence: Gender aspect]. *Podrostok v megapolise: distantsionnoye vzrosleniye: sb. trudov XIV Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. (6–8 aprelya 2021 g., Moskva)* [A teenager in the metropolis: distance growing up: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference (April 6–8, 2021, Moscow)]. Moscow: HSE Publ., pp. 165–169.

Somerville, L.H. (2013). The teenage brain: Sensitivity to social evaluation. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 22, iss. 2, pp. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721413476512>

Tabueva, A.O. and Volkova, I.V. (2021). [Features of teenagers' attitude to distance learning during the quarantine period for COVID-19]. *Podrostok v megapolise: distantsionnoye vzrosleniye: sb. trudov XIV Mezhdunar. nauchno-praktich. konf. (6–8 aprelya 2021 g., Moskva)* [A teenager in the metropolis: distance growing up: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference (April 6–8, 2021, Moscow)]. Moscow: HSE Publ., pp. 136–139.

Об авторах

Ваганова Ксения Андреевна

магистрант направления «Психология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: xenya.cornilowa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0663-7902>
Researcher ID: AIF-4291-2022

Ужегова Анастасия Алексеевна

магистрант направления «Психология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: acya.uzhegova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4889-685X>
Researcher ID: AIF-4422-2022

Газарова Анна Николаевна

магистрант направления «Психология»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: gazarowa.an@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7324-7010>
Researcher ID: CAH-3127-2022

About the authors

Kseniya A. Vaganova

Master's student in Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: xenya.cornilowa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0663-7902>
Researcher ID: AIF-4291-2022

Anastasiya A. Uzhegova

Master's student in Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: acya.uzhegova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4889-685X>
Researcher ID: AIF-4422-2022

Anna N. Gazarova

Master's student in Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: gazarowa.an@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7324-7010>
Researcher ID: CAH-3127-2022

Евдокимова Елизавета Андреевна

магистрант направления «Психология»

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: Ewdpsy@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8891-0900>
Researcher ID: CAH-0592-2022

Балева Милена Валерьевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической психологии,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>
ResearcherID: ABE-8676-2020

Elizaveta A. Evdokimova

Master's student in Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: Ewdpsy@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8891-0900>
Researcher ID: CAH-0592-2022

Milena V. Baleva

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of General and Clinical Psychology,
Associate Professor of the Department
of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>
ResearcherID: ABE-8676-2020